

В. М.
ДОРОШЕВИЧ

Избранное

Влас Михайлович Дорошевич

Халиф и грешница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=655475

Аннотация

««Во славу аллаха, единого и всемогущего. Во славу пророка, да будет над ним мир и благословение.

Именем султана и эмира Багдада, халифа всех правоверных и смиренного слуги аллаха – Гаруна-аль-Рашида, – мы, верховный муфтий города Багдада, объявляем настоящую священную фетву, – да будет ведомо всем...»

Содержание

4

Влас Михайлович Дорошевич Халиф и грешница¹

«Во славу аллаха, единого и всемогущего. Во славу пророка, да будет над ним мир и благословение.

Именем султана и эмира Багдада, халифа всех правоверных и смиренного слуги аллаха – Гаруна-аль-Рашида², – мы, верховный муфтий³ города Багдада, объявляем настоящую священную фетву, – да будет ведомо всем.

Вот что, согласно с кораном, вложил нам в сердце аллах: Нечестие распространяется по земле, и гибнут царства, гибнут страны, гибнут народы ради роскоши, забав, пиров и изнеженности, забывши аллаха.

Мы же хотим, чтоб аромат благочестия возносился от нашего города Багдада к небу, как возносится благоухание его садов, как возносятся священные призывы муэдзинов с его

² Гарун-аль-Рашид, Харун-ар-Рашид (763 или 766—809) – халиф из династии Аббасидов. Он был непопулярен среди подданных, а миф о его добродетелях навеян главным образом сказками «Тысячи и одной ночи».

³ Муфтий – мусульманское высшее духовное лицо, наделенное правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам.

минаретов. Зло в мир идет через женщину.

Они забыли предписания закона, скромность и добрые нравы. Они обвешивают себя драгоценностями с головы до ног. Носят чадры, прозрачные как дым от наргилэ. И если покрываются драгоценными тканями, то только для того, чтобы лучше выставить гибельные прелести своего тела.

Свое тело, это создание аллаха, они сделали орудием соблазна и греха.

Соблазняясь ими, воины теряют храбрость, купцы – богатства, ремесленники – любовь к труду, земледельцы – охоту работать.

Поэтому и решили мы в сердце своем – вырвать у змеи ее смертоносное жало.

Объявляется во сведение всех живущих в великом и славном городе Багдаде:

Всякие пляски, пение и музыка в Багдаде воспрещаются. Запрещается смех, запрещаются шутки.

Женщины должны выходить из дома, закутанные с ног до головы покрывалами из белого полотна.

Им разрешается сделать только небольшие отверстия для глаз, чтобы они, идя по улице, нарочно не натыкались на мужчин.

Всем, – старым и молодым, красивым и безобразным, – всем знать: если у какой-нибудь из них увидят обнаженным хоть кончик мизинца, – она будет обвинена в покушении на гибель всех мужчин и защитников города Багдада и немед-

ленно ясе побита камнями. Таков закон.

Исполнять его, как если бы он был подписан самим халифом, великим Гаруном-аль-Рашидом.

Его милостью и назначением великий муфтий города Багдада шейх Газиф».

Под грохот барабанов, при звуках труб такую фетву прочли глашатаи на базарах, перекрестках и у фонтанов Багдада, – и в тот же миг прекратились пение, музыка и пляски в веселом и роскошном Багдаде. Словно чума заглянула в город. В городе стало тихо, как на кладбище.

Словно призраки, брели по улицам закутанные с головы до ног в глухие, белые покрывала женщины, и только испуганно выглядывали из узких щелочек их глаза.

Обезлюдели базары, исчезли шум и смех, и даже в кофейнях замолкли болтливые рассказчики сказок.

Люди всегда так: бунтуют – так уж бунтуют, а если начнут повиноваться законам, то повинуются так, что даже властям становится противно.

Сам Гарун-аль-Рашид не узнал своего веселого, радостного Багдада.

– Премудрый шейх, – сказал он великому муфтию, – мне кажется, что твоя фетва⁴ чересчур уж сурова!

– Повелитель! Законы и собаки должны быть злы, чтобы их боялись! – ответил великий муфтий.

⁴ Фетва – письменное, обязательное для мусульман заключение высшего религиозного авторитета относительно норм общественной жизни.

И Гарун-аль-Рашид поклонился ему:

– Быть может, ты и прав, премудрый шейх!

В это время в далеком Каире, городе веселья, смеха, шуток, роскоши, музыки, пения, пляски и прозрачных женских покрывал, жила танцовщица, по имени Фатьма-ханум, да простит ей аллах ее грехи за те радости, которые она доставляла людям. Ей исполнилась ее восемнадцатая весна.

Фатьма-ханум славилась среди танцовщиц Каира, а танцовщицы Каира славилась среди танцовщиц всего мира.

Она много слыхала о роскоши и богатствах Востока, а крупнейшим бриллиантом среди Востока, – слыхала она, – сверкал Багдад.

Весь мир говорил о великом халифе всех правоверных, Гаруне-аль-Рашиде, об его блеске, великолепии, щедрости.

Слух о нем коснулся и ее розовых ушей, и Фатьма-ханум решила поехать на восток, в Багдад, к халифу Гарун-аль-Рашиду – порадовать его взор своими танцами.

– Обычай требует, чтоб каждый правоверный приносил халифу лучшее, что у него есть; принесу и я великому халифу лучшее, что у меня есть, – свои танцы.

Она взяла с собой свои наряды и отправилась в далекий путь. Корабль, на котором она плыла из Александрии в Бейрут, настигла буря. Все потеряли голову.

Фатьма-ханум оделась так, как обычно одевалась для танцев.

– Смотрите! – с ужасом показывали на нее перепуганные

путники. – Одна женщина уже сошла с ума!

Но Фатьма-ханум отвечала:

– Чтобы мужчине жить, – ему нужна только сабля, женщине нужно только платье к лицу, – мужчина достанет ей все остальное.

Фатьма-ханум была так же мудра, как и красива. Она знала, что все уже написано в книге Судьбы. Кизмет! (Судьба! (тюрк..))

Корабль разбило о прибрежные скалы и, изо всех пливших на корабле, одну Фатьму-ханум выкинуло на берег.

Именем аллаха, она с попутными караванами доехала от Бейрута до Багдада.

– А ведь мы везем тебя на смерть! – говорили ей в виде ободрения погонщики и провожатые. – В Багдаде тебя побьют камнями за то, что ты так одета!

– В Каире я была так же одета, и никто меня за это не ударил даже цветком!

– Там нет такого добродетельного муфтия, как шейх Газиф в Багдаде, и он не издавал такой фетвы!

– Но за что же? За что?

– Говорят, что такое платье возбуждает у мужчин превратные мысли!

– Как же я могу отвечать за чужие мысли? Я отвечаю только за собственные!

– Поговори об этом с шейхом Газифом!

Фатьма-ханум прибыла в Багдад с караваном ночью. Од-

на, в темном, пустом, мертвом городе бродила она по улицам, пока не увидела дома, где светился огонь. И постучалась. Это был дом великого муфтия.

Так осенью, во время перелета птиц, ветер несет перепелок прямо в сети.

Великий муфтий шейх Газиф не спал.

Он сидел, думал о добродетели и сочинял новую фетву, еще суровее прежней... Услышав стук, он насторожился:

– Уж не сам ли халиф Гарун-аль-Рашид? Ему часто не спится по ночам, и он любит бродить по городу!

Муфтий сам отворил дверь и отступил в изумлении и ужасе.

– Женщина?! Женщина? У меня? У великого муфтия? И в такой одежде?

Фатьма-ханум глубоко поклонилась и сказала:

– Брат моего отца! По твоему величественному виду, по твоей почтенной бороде я вижу, что ты не простой смертный. По огромному изумруду, – цвет пророка, да будет на нем мир и благословение, – который украшает твою чалму, я догадываюсь, что вижу перед собой самого великого муфтия Багдада, почтенного, знаменитого и премудрого шейха Газифа. Брат моего отца, прими меня, как ты принял бы дочь твоего брата! Я родом из Каира. Моя мать назвала меня Фатьма. Занятием я танцовщица, если только угодно назвать это удовольствием занятием. Я приехала в Багдад, чтобы повеселить взгляд халифа правоверных своими танцами. Но клянусь,

великий муфтий, я ничего не гнала о грозной фетве, – несомненно справедливой, ибо она исходит от твоей мудрости. Вот почему я осмелилась предстать пред тобой одетая не по фетве. Прости меня, великий и премудрый муфтий!

– Аллах один велик и премудр! – ответил муфтий. – Я зовусь действительно Газиф, люди называют меня шейхом, а наш великий повелитель, халиф Гарун-аль-Рашид, назначил меня, – выше моих заслуг, – великим муфтием. Твое счастье, что ты попала ко мне, а не к простому смертному. Простой смертный, на основании моей же фетвы, должен был бы немедленно послать за заптиями или сам побить тебя камнями.

– Что же сделаешь со мною ты?! – в ужасе воскликнула Фатьма-ханум.

– Я? Ничего! Я буду любоваться тобой. Закон, как собака, – он должен кусать других и ласкаться к своим хозяевам. Фетва сурова, но фетву написал я. Будь, как дома, дочь моего брата. Хочешь петь, – пой, хочешь танцевать, – танцуй!

Но, когда раздался звук тамбурина, муфтий вздрогнул:

– Тише! Услышат!.. А вдруг проклятый кади узнает, что у великого муфтия ночью была чужестранка... О, эти сановники! Змея не жалит змеи, а сановники только и думают, как бы ужалить друг друга. Конечно, эта женщина красива, и я с удовольствием сделал бы ее первой танцовщицей моего гарема. Но мудрость, великий муфтий. Мудрость... Отошлю-ка я эту преступницу к кади. Пусть станцует перед ним.

Если кади признает ее виновной и прикажет казнить, – да свершится правосудие... Закон о моей фетве ни разу еще не применялся, а закон, который не применяется, – это собака, которая не кусает. Ее перестают бояться. Ну, а если кади прельстится и помилует ее, – жало у проклятой змеи будет вырвано! Спокойно может спать тот подсудимый, в преступлении которого участвовал судья.

И великий муфтий написал к кади записку: «Великий кади! К тебе, как к верховному судье Багдада, посылаю я преступницу против моей фетвы. Как врач исследует самую опасную болезнь, не боясь заболеть сам, – исследуй преступление этой женщины. Сам взгляни на нее и на ее танцы. И если признаешь ее виновной против моей фетвы, – призови справедливость. Если же признаешь заслуживающей снисхождения, – призови в свое сердце милосердие. Ибо милосердие – выше справедливости. Справедливость родилась на земле, а родина милосердия – небо».

Великий кади тоже не спал. Он писал на завтра решения по тем делам, которые будет разбирать, – заранее – «чтобы не томить подсудимых ожиданием приговора».

Когда к нему привели Фатьму-ханум, он прочел записку муфтия и сказал:

– А! старая ехидна! Сам, видно, нарушил свою фетву и теперь желает, чтобы ее нарушили мы! И, обратившись к Фатьме-ханум, промолвил: – Итак, ты чужестранка, ищешь справедливости и гостеприимства. Прекрасно. Но, чтобы

оказать тебе справедливость, я должен знать все твои преступления. Танцуй, пой, совершай свои преступные деяния. Помни одно: перед судьей ты не должна ничего скрывать. От этого зависит справедливость приговора. Что же касается гостеприимства, то это уж специальность судьи. Судья всегда держит своих гостей дольше, чем они этого хотят.

И в доме кади в эту ночь зазвучал тамбурин. Великий муфтий не ошибся.

Гарун-аль-Рашиду в эту ночь не спалось, и он, по своему обыкновению, бродил по улицам Багдада. Сердце сжималось тоской у халифа.

Это ли его веселый, шумный, беспечный Багдад, не спавший обыкновенно далеко за полночь? Теперь из всех домов неся храп. Как вдруг сердце халифа вздрогнуло. Он услышал звук тамбурина. Играли, – как это ни странно, – в доме великого муфтия.

Через несколько времени тамбурин загремел в доме кади.
– Все прекрасно в этом прекраснейшем городе! – воскликнул, улыбаясь, халиф. – В то время, как порок спит, добродетель веселится!

И он пошел во дворец, страшно заинтересованный тем, что происходило ночью в доме великого муфтия и кади.

Едва дождался рассвета, и лишь только розовые лучи восхода залили Багдад, прошел в Львиную залу своего дворца и объявил верховный суд. Гарун-аль-Рашид сидел на троне.

Около него стоял хранитель его чести и могущества – ору-

женосец и держал обнаженный меч.

Справа от халифа сидел великий муфтий в чалме с огромным изумрудом, – цвет пророка, да будет над ним мир и благоволение.

Слева сидел верховный кади в чалме с огромным рубином, – как кровь.

Халиф положил руку на обнаженный меч и сказал:

– Во имя аллаха, единого и милосердного, объявляем верховный суд открытым. Да будет он так же справедлив и милостив, как аллах! Счастлив город, который может спать спокойно, потому что за него не спят его правители. Сегодня ночью Багдад спал спокойно, потому что за него не спали трое: я – его эмир и халиф, мой премудрый муфтий и мой грозный кади!

– Я составлял новую фетву! – сказал муфтий.

– Я занимался государственными делами! – сказал кади.

– И как радостно предаваться добродетели! Как пляска, это совершается под звуки тамбурина! – весело воскликнул Гарун-аль-Рашид.

– Я допрашивал обвиняемую! – сказал муфтий.

– Я допрашивал обвиняемую! – сказал кади. – Сто раз счастлив город, где порок преследуется даже по ночам! – воскликнул Гарун-аль-Рашид. – Мы тоже знаем об этой преступнице. Мы слышали о ней от встретившегося нам ночью на улице погонщика каравана, с которым она прибыла в Багдад. Мы приказали взять ее под стражу, и она сейчас здесь.

Введите обвиняемую!

Фатьма-ханум вошла дрожа и упала перед халифом. Гарун-аль-Рашид обратился к ней и сказал:

– Мы знаем кто ты, и знаем, что ты прибыла из Каира, чтобы повеселить глаза своего халифа своими танцами. Лучшее, что у тебя есть, принесла ты нам в простоте своей души. Но ты нарушила священную фетву великого муфтия и за это подлежишь суду. Встань, дитя мое! И исполни свое желание: танцуй перед халифом. То, от чего не погибли ни великий муфтий, ни мудрый кади, – от того не погибнет, с помощью аллаха, и халиф.

И Фатьма-ханум начала танцевать.

Глядя на нее, великий муфтий шептал, но так, чтобы было слышно халифу:

– О, грех! О, грех! Она топчет священную фетву!

Глядя на нее, верховный кади шептал, но так, чтобы было слышно халифу:

– О, преступление! О, преступление! Каждое ее движение достойно смерти!

Халиф смотрел молча.

– Грешница! – сказал Гарун-аль-Рашид. – Из города красивого порока, Каира, ты прибыла в город суровой добродетели – Багдад. Здесь царит благочестие. Благочестие, а не лицемерие. Благочестие – золото, а лицемерие – фальшивая монета, за которую ничего не даст аллах, кроме кары и гибели. Ни красота, ни несчастья, которые ты претерпела,

не смягчают сердце твоих судей. Добродетель сурова, и жалость ей недоступна. Не простирай напрасно своих умоляющих рук ни к великому муфтию, ни к верховному кади, ни ко мне, твоему халифу... Великий муфтий! Твой приговор этой женщине, преступившей священную фетву?

Великий муфтий поклонился и сказал:

– Смерть!

– Верховный кади! Твой суд!

Верховный кади поклонился и сказал:

– Смерть!

– Смерть! – говорю и я. Ты преступила священную фетву и должна быть побита камнями тут же, на месте, не медля ни мгновения. Кто же первый бросит в тебя камень? Я, твой халиф!.. Я должен бросить в тебя первый попавшийся камень!

Гарун-аль-Рашид снял тюрбан, сорвал с него огромный бриллиант, славный «Великий Могол»⁵, и бросил в Фатьмуханум. Бриллиант упал у ее ног.

– Вторым будешь ты! – сказал халиф, обращаясь к великому муфтию. – Твой тюрбан украшает великолепный темно-зеленый изумруд, цвет пророка, да будет нам мир и благословение... Какое лучшее назначение для такого прекрасного камня, как не покарать порок?

Великий муфтий снял чалму, сорвал огромный изумруд и бросил.

⁵ ...огромный бриллиант, славный «Великий Могол»... – Знаменитая драгоценность из сокровищ Великих Моголов.

– Очередь за тобой, верховный кади! Суров твой долг и кровью сверкает огромный рубин на твоём тюрбане. Исполни свой долг!

Кади снял чалму, оторвал рубин и бросил.

– Женщина! – сказал Гарун-аль-Рашид. – Возьми эти камни, заслуженные тобой, как наказание за преступление. И сохрани их, как воспоминание о милости твоего халифа, благочестии его великого муфтия и справедливости его верховного кади. Иди!

И с тех пор, говорят, повелся на свете обычай закидывать красивых женщин драгоценными камнями.

– Шейх Газиф, мой великий муфтий! – сказал халиф. – Надеюсь, что сегодня ты съешь плов в свое удовольствие. Я исполнил твою фетву!

– Да, но я ее отменяю. Она слишком сурова!

– Как? Ты говорил: закон, как собака. Чем злее, тем больше его боятся!

– Да, повелитель! Но собака должна кусать чужих. Если же она кусает хозяина, – собаку сажают на цепь!

Так судил мудрый халиф Гарун-аль-Рашид во славу аллаха единого и милосердного.